

ОБ АВТОРСКОМ «Я» В АКАДЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Н.А. Кипиани (Тбилиси, Грузия)

Научный текст связан с человеком, целенаправленно формирующим стиль изложения научного знания. В английских статьях присутствие автора чётко маркировано употреблением личного местоимения «I», а в традициях русской академической культуры самый распространённый способ авторского присутствия – «авторское мы» («множественное число скромности»).

Восприятие своего «я» определяется типом культуры. Традиционно английскую культуру относят к индивидуалистическому типу, а русскую – к коллективистскому. Представители названных типов культур характеризуются разным восприятием «образа себя»: в индивидуалистической культуре – это «я-образ», в коллективистской – «мы-образ».

Эгоцентризм чужд русской ментальности. Скромность, прежде всего, это смирение перед Богом. Смиранный человек никогда не будет подчёркивать свою значимость перед лицом Бога, имя которого – Я, в старославянском языке и церковнославянской традиции – Аз. В религиозном дискурсе пишется с большой буквы. Для обозначения говорящим самого себя употребляется местоимение «я». Разграничение разными знаками оппозиция «аз – я» – это отражение важнейшей для культуры Средневековья культурной оппозиции «сакральное – «мирское», которая ведёт свою историю, начиная со славянской азбуки – кириллицы.

Ключевые слова: академический дискурс, эгоцентризм, авторское «мы» («множественное число скромности»), тип культуры, культурная оппозиция «сакральное – мирское»

ABOUT THE AUTHOR'S "I" IN ACADEMIC DISCOURSE

N. Kipiani (Tbilisi, Georgia)

Scientific text is associated with a person, consciously forming the scientific knowledge presentation style. In all English articles the presence of the author is clearly marked by the use of the personal pronoun "I", and in the traditions of Russian academic culture the most common way of authorial presence is "authorial we" ("plural of modesty").

The perception of one's "I" is determined by the type of culture. Traditionally, English culture is referred to as an individualistic type, but Russian culture to a collectivist type. Representatives of these types of cultures are characterized by different perceptions of the "image of themselves": in individualistic culture, it is the "I-image", in the collectivist "we-image".

Egocentrism is alien to the Russian mentality. Modesty, above all, is humility before God. A humble person will never emphasize his importance in front of God, whose name is I, in the Old Slavonic language and Church Slavonic tradition – Az. In religious discourse is written with a capital letter. To denote the speaker himself, the pronoun «я» is used. Differentiation between different signs of the opposition "AZ – я" – is a reflection of the most important for the culture of the Middle Ages of the cultural opposition "sacral-secular", which leads its history, beginning with the Slavic alphabet – the Cyrillic alphabet.

Keywords: academic discourse, egocentrism, author's "we" ("plural of modesty"), type of culture, cultural opposition "sacral- secular"

Начиная с 80-х годов XX века одной из активно развивающихся областей зарубежной прикладной лингвистики стала «контрастивная риторика», или «межкультурная риторика». При этом наибольшее количество исследований в русле этого направления посвящено изучению различных национальных традиций академического письма. Исследователи, сравнивая англо-американские традиции академического письма с другими европейскими национальными традициями, выделили культурно обусловленные особенности академических письменных текстов на английском языке. Среди них – большая по сравнению с текстами на других языках выраженность автора в тексте. Это касается академических текстов, относящихся к гуманитарным и социальным наукам. Следует заметить, что в англо-американских текстах существуют значительные расхождения между дисциплинами в отношении использования «я»: точные и технические науки не приемлют эксплицитного присутствия автора, в то время как в гуманитарных и социальных науках довольно часто в текстах используется личное местоимение 1-го лица [Щемелева, 2013].

Исследователи, изучая различные национальные традиции академического письма, представляют красноречивые количественные данные употребления формы 1-го лица местоимений. Так, И.Ю. Щемелева, сравнивая частотность употребления личных местоимений в текстах научных статей по социологии на английском и русском языках (20 на русском и 20 на английском языке, опубликованных в ведущих реферируемых журналах), пришла к следующему выводу: «Во всех английских статьях присутствие автора чётко маркировано употреблением личного местоимения «I», в то время как в русском корпусе местоимение «я» употребляется только в трёх статьях из двадцати». И далее: «Также обращает на себя внимание то, что в английском корпусе не было выявлено ни одного случая употребления местоимения «мы», относящегося только к автору, в то время как в русских статьях «авторское мы» («множественное число скромности») остаётся самым распространённым способом экспликации автора» [Щемелева, 2013].

Эти выводы вполне согласуются с особенностью русского научного стиля, выработанного многими поколениями русских учёных. Среди них – подчеркнутая «обезличенность» академического стиля, когда автор намеренно использует «авторское мы» вместо «авторского я» и, соответственно, притяжательное местоимение *наш*. В связи с этим также преобладают неопределённо-личные, обобщённо-личные, безличные, инфинитивные односоставные предложения и пассивные конструкции. Такие формы выражения подчёркивают объективность научного изложения – стилиобразующую черту научного стиля. Вот некоторые примеры: «*Крайне ошибочно было бы сравнивать знаменитые антинормы Гумбольдта с невольными и бессознательными логическими ошибками вроде тех, какие мы видим у Беккера*» (А.А. Потенция, Мысль и язык); «*В заключение общих замечаний о природе и роли языка мы должны заметить, что не все движения нашей психики могут воплощаться в простом слове*» (В.А. Богородицкий, Лекции по общему языкознанию).

Обезличенность действия и его «бессубъектность» в академическом дискурсе объясняются не только стремлением к объективности научного изложения, но и национально-культурными традициями. Язык не может не нести на себе отпечатки особенностей мировоззрения, этических и культурных ценностей, а также норм поведения, характерных для данного языкового сообщества.

«Авторское мы» вместо «авторского я» – это яркое проявление одной из особенностей русского национального характера – скромности. Вот как комментирует употребление личных местоимений 1-го лица в научной речи М.Н. Кожина: «Авторское «мы» употребляется «для скромности» [Кожина, 1977: 165], «Употребление местоимения я при глаголе-сказуемом ведёт к подчёркиванию личности говорящего, поэтому, чтобы избежать нескромности, обычно я опускают» [Кожина, 1977: 133]. В этом следует видеть определённое отношение русского человека к собственному я.

Русские люди очень ценят скромность в окружающих. Местоимение 1-го лица в единственном числе, обозначающее самого говорящего, употребляемое часто, создаёт впечатление выпячивания говорящим своей роли, нескромного самовосхваления. Пример такого самохвальства типически воспроизводит Гоголем в репликах Хлестакова, особенно в его угрозах чиновникам: *Извольте, господа, я принимаю должность... только у меня: ни, ни, ни! Уж у меня ухо остро! Уж я... О, я шутить не люблю. Я им всем задал острастку... Я такой! Я не посмотрю ни на кого...* [Гвоздев, 1965].

Понятие скромности имеет различные оттенки: например, отсутствие тщеславия или сомнения, а также нежелание выставлять напоказ свои заслуги, достоинства, иначе говоря, своё «я». Скромность – это черта характера, позволяющая сопоставлять своё собственное «я» с мнением окружающих. Само слово *скромный* – относительно позднее заимствование, относящееся к XVII в. Оно пришло в русский язык из польского языка, где *skromny* – суффиксальное производное на базе предлога *s* «с» и существительного *krom* «граница» (в тв. п.). *Скромный* буквально – «тот, кто держится в рамках, ограниченный».

О том, что русский не должен был «ячиться», выпячиваться и гордиться, говорит масса русских пословиц и поговорок о скромности: *Возносясь, смиришься, а смиряясь, вознесёшься; Умный смиряется, глупый надувается; Ешь – не надейся, пей – не напивайся, вперёд не забивайся, в середину не мешайся, назади не оставайся; Лишнего пожелаешь – последнее потеряешь; Малое насытит, от многого вступит; Доброе дело само себя хвалит; В простых сердцах Бог почивает; Вперёд не забегай, а от своих не отставай.* Одна из самых известных и часто звучащих сейчас пословиц – *Я – последняя буква алфавита*, с её помощью ставят на место собеседника, который слишком большое место отводит своей персоне.

А вот интересный вывод О.В. Кошмановой – исследователя концепта «скромность» в русской, американской и иранской лингвокультурах: «Судя по соотношению оценочных высказываний, концепт «скромность» малозначим для американской лингвокультуры, паремиялогия которой не фиксирует ярко выраженной аксиологической оценки «скромности» [Кошманова, 2007].

Восприятие своего «я» определяется типом культуры [Психология, 2001: 395]. Традиционно английскую культуру относят к индивидуалистическому типу, а русскую – к коллективистскому. Представители названных типов культур характеризуются разным восприятием «образа себя»: в индивидуалистической культуре – это «я-образ», в коллективистской – «мы-образ». В индивидуалистической культуре преобладают интересы индивида, «я» стоит выше, чем «мы», индивидуальные цели важнее групповых. Здесь подчёркивается активность автономной личности, выделенной из общины и ей противопоставленной. Американское мировосприятие базируется на принципах воспитания независимого, сильного индивидуалиста.

«В значении местоимения я есть информация от том, что актант ситуации характеризуется как индивидуальность, личность. Подчёркнём, что слова *личность, индивидуальность* не употребляются

здесь в оценочном смысле, включающем представление о значительности личности», – отмечает Н.А. Корепина [Корепина, 2015]. Заметим, однако, что местоимение 1-го лица в английском языке пишется с заглавной буквы – «I», что отражает именно значимость индивида в английской культуре.

В коллективистской культуре, к которой относится русская культура, напротив, преобладают интересы группы (семьи, племени, рода, коллектива), здесь «мы» стоит выше, чем «я». В этом проявление той самой общинной черты национального характера, которую русские философы называли соборностью. Во многом это связано с идеалом православия, сочетающим единство и свободу, воплощаясь в соборном единении людей. При этом каждый человек является личностью, но не самодостаточной, а проявляющейся лишь в соборном единении, интересы которого выше интересов отдельного человека. Русские пословицы фиксируют представления о своём «я» в неразрывной связи с общиной: *На миру и смерть красна; Сто голов – сто умов; Свои люди – сочтемся; В тесноте, да не в обиде.*

О чуждости эгоцентризма русской ментальности свидетельствуют и лексические единицы с соответствующей семантикой. Так, в системе обозначений человека в социальной среде выделяется слово *личность*. В слове *личность* отражены разные смыслы. Личность – это отдельный человек в обществе; индивидуум; это человек с ярко выраженной индивидуальностью. Однако, по замечанию В.В. Колесова, «символ – *личность* – в простом народе воспринимается иронично и во многих выражениях осуждается. Говорят и «пьяная личность», и «небритая личность», и «подозрительная личность». Двубращённость нового символа, его амбивалентность препятствуют признанию слова *личность* за совершенную форму выражения абсолютного идеала» [Колесов, 2004: 102].

В этом же ряду можно рассматривать и слово *особа*, по отношению к важному, известному человеку употребляемое иронически (так же, как к *персоне*). *Особа* также обозначает лицо женского пола, когда не хотят назвать имени или выражают своё к ней отношение, чаще всего отрицательное, судя по примерам из Национального корпуса русского языка: *вздорная особа, ловкая особа, непредсказуемая особа, экстравагантная особа, легкомысленная особа, отвратительная особа, жутко противная особа* и под.

О значимости местоимения первого лица свидетельствует славянская азбука. Местоимением первого лица – *Аз* (в старославянском языке и в церковнославянской традиции) названа первая буква славянского алфавита.

Аз (*Я*) – это одно из имён Бога. «Бог Отец в Библии определяет себя именно таким образом: на вопрос Моисея о его имени Бог отвечает «Я есмь» ('ehyeh – Исх. III, 13–14), и отсюда «Яхве» (yahweh) как имя Бога Отца (см.: Пс. LXXXIII, 19) означает, по-видимому, 'Он есть'. Исходная еврейская фраза 'ehyeh 'asher 'ehyeh' выглядит как тавтология. Она означает буквально 'Я есмь тот, кто есмь' (и так она переводится в Вульгате: «Ego sum qui sum») или же 'Я есмь то, что есмь' (и так она переводится в славянской Острожской библии 1581 г.: «азъ есмь еже есмь»); в сущности, Бог говорит: «Я – это я», где одно *я* выступает как местоимение, тогда как другое, ему противопоставленное, оказывается на правах собственного имени» [Успенский, 2011:16].

В глаголице символом первой буквы *Аз* является крест. Аналогичный способ изображения графического знака как символа представляет древнейший вид грузинского письма – асомтаврули (в грузинских письменных памятниках асомтаврули господствовало в основном в V–VIII вв.), где буква *ჲ* – имя Христа – *ჲობჲ* – также имеет символ креста. Заметим также, что в «Апокалипсисе» в русских переводах с церковнославянского в передаче прямой речи от Христа местоимение *Я* пишется с большой буквы, в то время как в прямой речи от Иоанна Богослова – *я* – с маленькой буквы. Ср.: *И когда я увидел Его, то пал к ногам Его, как мертвый. И Он положил на меня десницу Свою и сказал мне: не бойся; Я есмь Первый и Последний* (Откр. 1, 17).

Кроме буквы *аз*, в кириллице имеется ещё буква *я*, полагаем, связанная с местоимением 1-го лица *я*, представленным во всех славянских языках – русском, украинском, белорусском, польском, верхнелужицком, нижнелужицком, чешском, словацком, сербском, хорватском, боснийском. Местоимение *аз* сохранилось в болгарском языке (диалектной основой старославянского языка стал солунский диалект, относящийся к праболгарской группе южнославянских говоров), в македонском языке – *јас*, наиболее близком к болгарскому языку в генетическом плане, а также в словенском – *jaz*.

В древнерусском языке употреблялись все три формы местоимения 1-го лица: *аз* – под воздействием книжной стихии, естественный вариант его в виде *яз* и, наконец, местоимение *я*, присущее живой древнерусской речи и ставшее единой нормой современного языка. Причину закрепления в языке местоимения *я* учёные видят в односложности его формы – по аналогии с другими личными местоимениями – *ты*, *мы*, *вы*. Возможно и иное объяснение – в рамках антропоцентрической парадигмы. Закрепление в языке местоимения *я* – это средство оценочной интерпретации его смысла в культуре и языке.

Разграничение разными знаками оппозиция *аз* – *я* – это отражение важнейшей для культуры Средневековья культурной оппозиции «сакральное – мирское». И начало этой оппозиции отражено, полагаем, уже в славянской азбуке. Отсюда – невозможность для русской культуры написание личного местоимения *я* с большой буквы, когда оно употребляется для обозначения сознаваемой человеком собственной сущности, самого себя в окружающем мире. Это черта своеобразной скромности и смирения человека, принадлежащего русской культуре.

Слова *скромный* и *смиранный* выступают как синонимы. Скромность, прежде всего, это смирение перед Богом. Смиранный человек никогда не будет подчёркивать свою значимость перед лицом Бога, имя которого – *Аз*. Весьма красноречивой в этом плане представляется этимология слова *смиранный*:

слово заимствовано из старославянского языка, в котором оно является страдательным причастием прошедшего времени от *сѣмьрити* «подавить, умерить», производного в свою очередь от *мѣра* «мера». Истинное смирение подразумевает опущение статуса своего *я* до максимально низкого уровня перед Богом – *Аз* и осознание своей незначительности перед окружающими.

В качестве возможного объяснения различий в употреблении местоимения 1-го лица в научных текстах исследователи указывают на то, что авторы в англо-американской традиции письма, чтобы быть услышанными, стараются идентифицировать себя с проведённым исследованием, чётко обозначить свою позицию, отличную от позиции учёных в конкретной области исследования, то есть показывать собственное «я» («I») и тем самым получить признание за свой собственный вклад. «Всё это объясняется предельно высокой конкуренцией на рынке научных публикаций», – указывает И.Ю. Щемелева [Щемелева, 2013]. Однако эти вызовы стоят и перед русскими авторами научного текста, а выбор стилистических предпочтений определяется конкретным типом культуры, доминирующими ценностными установками в данном типе культуры, соотносением «категорий языка с концептуальными основами бытия и разума русского человека как человеческого типа, пребывающего в ряду других типов» [Колесов, 2004: 6].

По мнению некоторых исследователей, традиционные нормы русского академического письма претерпевают изменения. Ср.: «Конец XX века характеризуется ростом личностного начала. Безличная и безадресная речь сменяется речью личной, приобретает конкретного адресата. Это характерно для всех видов речи» [Константинова, 2003: 24]; «Изменилась и структура научной речи. Уходит в прошлое трафаретно-безличное авторское «мы», заменяясь личным «я» [Земская, 2001].

Несмотря на наметившуюся тенденцию к прямой передаче авторства (заметим, под явным влиянием англо-американского научного дискурса), ситуация не столь однозначна, как указывают исследователи. Язык не изменяется слишком резко, он – хранитель концептов, содержательные формы которого сохраняют ментальность во времени и в пространстве [Колесов, 2004: 72]. Соответственно и стиль не подвержен резким изменениям, поскольку функциональный стиль – это общественно осознанная (подчёркнуто нами – Н.К.) совокупность отбора средств речевого общения в сфере общенационального языка [Виноградов, 1955: 73]. Трансформации, о которых говорят авторы, полагаем, могли бы быть связанными с глубинными процессами изменения культуры в целом, со сменой доминирующих ценностных установок.

Исследователи ментальности утверждают, что ментальность, несмотря на свою устойчивость, в то же время меняется, эволюционирует с изменением общества, социальной реальности. Но сформировавшиеся за сотни и десятки лет глубинные уровни менталитета способны оказывать консервативное влияние на процессы общественного реформирования.

Список литературы

- [1] Виноградов В.В. Итоги обсуждения вопросов стилистики. // Вопросы языкознания, 1955. №1.
- [2] Гвоздев А.Н. Очерки по стилистике русского языка. – М.: Просвещение, 1965. – 408 с.
URL: <https://refdb.ru/look/2518884-pall.html> (27.09.2017).
- [3] Земская Е.А. Активные процессы в русском языке последнего десятилетия XX века.
URL: <http://linguistics-online.narod.ru/index/0-396> (11.10.2017).
- [4] Кожина М.Н. Стилистика русского языка. – М.: «Просвещение», 1977. – 224 с.
- [5] Колесов В.В. Язык и ментальность. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. – 240 с.
- [6] Константинова Л.А. Лингводидактическая модель обучения студентов-нефилологов письменным формам научной коммуникации // Известия Тульского гос. ун-та, 2003.
URL: http://sh084.informika.ru/resource/655/67655/files/tula_tsu_014.pdf (27.09.2017).
- [7] Корепина Н.А. Семантика личного местоимения первого лица. // Вектор науки ТГУ. 2015, №2.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semantika-lichnogo-mestoimeniya-pervogo-litsa> (27.09.2017).
- [8] Кошманова О.В. Концепт «скромность» в русской, американской и иранской лингвокультурах. АКД, Астрахань, 2007.
URL: <http://www.dissercat.com/content/kontsept-skromnost-v-russkoi-amerikanskoi-i-iranskoi-lingvokulturakh> (27.09.2017).
- [9] Психология. Учебник для гуманитарных вузов / Под общ. ред. В. Н. Дружинина. – СПб.: Питер, 2001. – 656 с.
- [10] Успенский Б. А. Ego Loquens: Язык и коммуникационное пространство. Изд. 2-е, доп. и испр. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2011. – 344 с.
URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/f5ieodkojg/direct/77326170> (11.10.2017).
- [11] Щемелева И.Ю. Местоимения как средство передачи авторской позиции в английском и русском научных текстах. Вестник СПбГУ. Сер. 9, 2013. Вып. 4.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mestoimeniya-kak-sredstvo-peredachi-avtorskoy-pozitsii-v-angliyskom-i-russkom-nauchnyh-tekstah> (27.09.2017).